

Op. 84
D-15

Владимир Иванович Даль

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

Pantun

0P84
D 15

0P84,5
811/2/00-14/1-4

Даль

Владимир Иванович

Оренбургский край
в художественных
произведениях
писателя

05 а-273696
16 17

Оренбургское книжное издательство
2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Handwritten initials

ОСКОЛОК ЛЬДУ

Четырнадцатилетняя казачка Марья Чернушкина, Красногорской крепости на Оренбургской линии, выгоняла в поле телят. Еще солнце не взошло, но пожелклая трава была суха, как пыль, на нее не пало за ночь ни росинки. Помахивая хворостинкой, Маша напевала песенку и спускалась под гору к мостику, как сбоку, из оврага, внезапно на нее наскочили верхами два человека дикого вида, с длинными копьями в руках, в лохмотьях, в мохнатых шапках. Они кинулись на нее украдкой, без всякого шума, и почти не говоря ни слова, а только свирепо пригравивая, схватили ее, приподняли поспешно с земли, перевалили через лошадь, поперек седла, и поскакали в сторону. Бывало одно слово: «Киргизы!» — пугало ребенка Машу так, что она забивалась в самый задний угол, на печи, особенно с тех пор, как в станицу привезли труп старшего брата ее, казака, убитого в стычке с киргизами; тогда все женское население станицы выбежало с воплем навстречу покойнику, и Маша от испуга дрожала несколько дней и не могла спать по ночам; — а теперь она сама была у них в руках! Она обеспамятела, но вскоре опять пришла в себя, закричала и забилась на лошади изо всех сил, когда ей, как спросонья, показалось, будто ее кинули в воду: в самом деле вокруг нее шумела вода и перед собою она видела только бурную пену; вода неслась быстрым потоком под ногами лошади, и будто уносила ее с собою: у Маши закружилась голова и сердце обмерло, она резко взвизгнула и, сама не зная,

что делает, хотела вырваться: это была переправа вброд через Урал. Киргиз ударил ее раза два, чтобы уgomонить и удержать на лошади, но она так сильно рванулась, что упала в быстрый поток. Невольно стала грести руками и выплыла на ближайший азиатский берег.

Но и тут ей не было никакого спасения; следя за нею, воры уже успели выехать на берег, соскочили с лошадей и спокойно ожидали добычу свою, которая не могла их миновать: им стоило только протянуть руки к идущей навстречу добыче. В изнеможении Маша отдалась им опять; они посадили ее на заводную лошадь, связали ей ноги под брюхом лошади и потащили ее крупною рысью за собою.

Солнце уже взошло и вскоре обсушило Машу. Верст 70 проехали воры в глубь степи почти в один дух, и она до того утомилась и измучилась, что чувства и понятия ее притупились, и она почти обеспамятала от скорби, боли, жажды и усталости. В крутом овраге воры остановились, дали пленнице своей испить воды, убедившись сперва, по сродной им предосторожности, что она несколько отдохнула, и дали ей немного круту (сыру). Она с жадностью пила, но есть не стала, уснула и с воплем пробудилась, когда после недолгого отдыха и забытья пришла опять в себя и постигла отчаянное положение свое.

Так или почти так прошла целая неделя, в больших и малых переездах и роздыхах. Наконец, разбойники прибыли в свой аул, кочевавший на песчаном Кара-куме, поблизости реки Сыра, где все население осматривало бедную Машу кругом и со всех сторон, любуясь марджой, то есть пленной русской женщиной, и оценивая на глаз, чего она стоит и сколько можно будет за нее получить. Здесь продержали ее несколько недель, заставляя пахтать кумыс или прясть верблюжью шерсть и обращаясь, впрочем, с пленницей довольно ласково. Особенно полюбила ее молодая, бойкая девка, в кованых остроносых сапогах и остроконечной шапке с перьями; девка эта приходила по несколько раз в день присматривать за Машей, заговаривала с нею, стараясь ее развеселить, и даже отстаивала ее против вы-

ходок злой старухи, хотевшей заставить пленницу, молоденькую девчонку, выминать в руках сыромятную кожу.

Подшли чумекейцы с караваном, который шел в Бухару, некоторые из старых извозчиков прибыли в аул, где находилась пленница, для смены заболевших или ослабевших верблюдов, и, услышав, что тут свежая русская пленница, стали об ней осведомляться: хозяевам представлялся случай выгодно сбыть ее. «Марджа! Марджа!»—раздалось по всему аулу — и Маша, зная уже новое название свое, переименованное, впрочем, из имени ее и многих землячек ее, — Маша вышла из кибитки и оглянулась: к ней шел хозяин ее с тремя посторонними, в числе коих был один из прибывших с караваном бухарец, в пестром халате и чалме. Купец осмотрел Машу, пошутил даже с нею, зная несколько слов по-русски, уговаривал ее не горевать, а просить хозяина, чтобы он продал ее в Бухару, где ей будет жить хорошо, привольно и весело, не так, как у этих степных, необразованных мужиков; затем он старался приласкать ее, потрепал по щеке и стал бить с хозяином ее по рукам. Это длилось несколько времени, а Маша стояла молча и смотрела: хозяин ее, назначив цену, скидывал по временам что-нибудь или повторял одно и то же, а купец набавлял или также кричал свое, и каждый раз били они рукой об руку, переталкивая при этом Машу, в горячности своей, как продажного барана, то на ту, то на другую сторону. Этим каждый из них выражал окончательную волю или намерение покончить дело на своем слове. Наконец дело сладилось; купец развязал пояс, расплатился и, кивнув рукой, позвал Машу за собой. Как неживая, она последовала за ним; молодая киргизка побежала за нею следом, обняла ее и подарила ей, за большую редкость, простую, большую булавку, которой чрезвычайно дорожила. Лучшего подарка у нее не было, и не скоро, может быть она опять достала подобную редкость.

Недели две качалась Маша на верблюде, плакала и тосковала и опять по временам прояснялась, не зная чего-то ей ждать, что сулит ей будущность; быть захваченной в плен кир-

гизами, очутиться на Сыре, потом быть перепроданную бухарцу и на пути в басурманскую столицу — обо всем этом она слышала, конечно, в рассказах о других, но к себе рассказов этих не применяла, себе судьбы такой не ждала. А ей всего только был 15-й годок — а отца и мать покинула она, вероятно, навсегда и не простившись даже с ними, погнав спокойно буренушку свою в поле и полагая свидеться с ними через полчаса.... Теперь, голая, однообразная и сухая степь расстилась перед нею во все стороны до бесконечности, все наводило тоску — а с родиной простилась она навек! Около недели спустя после переправы через большую реку, за которой следовала вовсе безводная степь на четыре дня ходу, места становились более жилыми, начали попадаться обработанные поля, сады, окруженные глинобитными стенами, землянки или земляные лачуги. Издали появилось что-то вроде стен или земляной насыпи, с остроконечной башней, которая, среди гладкой и пустынной местности, казалась довольно высокою. Все пали на землю и стали молиться — это была Бухара-и-Шериф.

В тот же день вечером Маша была представлена эмиру или хану бухарскому, которому купец поднес ее из чести, как пешкеш, подарок или приношение из дальней стороны. Хан, сидя на ковре с четками в руках, окинул ее глазами и приказал передать в ведение стряпухи, также русской пленницы. Эта старуха, управляя уполовником вместо атаманской булавы или шестопера, несмотря на униженное положение свое, умела держать всю дворню ханскую в безусловной подчиненности; сарты и таджики смеялись выходкам ее и повелительным приемам, но слушались ее; она готовила плов и баранину на самого эмира и потому не только сменяла часовых под воротами ханского замка по своему произволу, но распоряжалась нередко и на ханском пушечном дворе, и ясаулы хотя и перебранивались с нею по временам, но никогда не решались отменять ее распоряжений.

Мало-помалу Маша стала привыкать к своему довольно сноскому, впрочем, положению. Умная, ловкая и проворная, она приобрела наперед благоволение этой непосредственной началь-

ницы своей и поступила под особенное ее покровительство; вскоре, и не искав того, вошла в доверенность к младшим женам ханским и носила от них продавать на базар тюбетейки и другие безделушки их рукоделья, выручая за это несколько танег на шелк, лоскутья и иглы, которыми жены ханские коротали взаперти прескучное время. Состоя во дворце на побегушках, Марья ознакомилась со всеми жильцами его, а равно с обычаями и всем местным бытом. Глядя на жен ханских, сидевших десятками в самом строгом заключении, Маша Чернушкина, по русским понятиям своим, смотрела на них с сожалением и не променяла бы на их судьбу даже и свою. Эмир сам знал ее, потому что она иногда ему прислуживала, был к ней довольно ласков и, захворав однажды, заставил ее сидеть при себе всю ночь; он был человек хилый, изможденный, и у него вообще был обычай — держать вокруг себя, во время частой болезни, одну только женскую прислугу. Марья, как сметливая и услужливая хожалка, ему полюбилась, и с тех пор он не отпускал ее от себя ни на шаг, когда бывал нездоров; а это случалось с ним сплошь и рядом. Он к ней привык, и никто не мог услужить больному, брюзгливому эмиру лучше Маши.

Время шло однообразно; Маше исполнилось уже 17 лет, а старый и хилый хан был, так сказать, ее оберегателем; как ханская невольница, была она для всех недотрогой, ее боялись и уважали; но многие ждали, не пожалует ли им хан Марью в невольницы же за какую-нибудь услугу. Старостиха или стряпуха, с своей стороны, прочила ее за какого-то любимца своего, пушкаря, также из русских, который очень старался Маше во всем угождать. Вследствие этого, стряпуха приняла бедную Машу еще ближе под свой надзор и покровительство, оберегая ее от всяких обид и искательств; и грозный уполовник ее не раз обрушался всею тяжестью своею на задорные головы покорных рабов и храбрых работников ханских, при малейшем посягательстве их на добрую славу хорошенькой, живой и умной девушки. Хан не отказывал стряпухе своей в сватовстве ее, но и не давал положительного согласия; старуха подучала Машу

воспользоваться первым удобным случаем и замолвить об этом самой словечко; Маша на это не решалась, ей стыдно было просить себе жениха; так дело это и тянулось, оставаясь до времени не решенным.

Однажды эмир опять захворал и впал в жестокую горячку. Это было среди знойного лета. Маша высидела при нем беспрерывно несколько суток: то держала голову его на своих коленях, то отгоняла мух, то подавала пить или обмывала лицо его, то опахивала от жара, вертя быстро в руке своей четвероугольное, плетеное опахало, на деревянной оси или стержне: она устала до изнеможения, но не смела покинуть больного властелина своего, который стонал, метался, забывался, опять приходил в себя и все просил Машу, чтоб она его уберегала и выходила: умирать ему не хотелось. Разметавшись в жару, он вдруг отчаянно застонал: «Горит, горит во мне! Марджа, достань льду, достань мне сейчас же осколок льду, и я тебя озолочу!» Маша вскочила и побежала, сама не зная, куда и за чем, потому что лед в это время года в Бухаре принадлежал к необычайным редкостям; у кого он был, тот хранил и таил его, а у хана, жившего изо дня в день и притом всегда на чужой счет, вообще никаких запасов не водилось. Но Маша бежала без памяти и слышала только в снях, как эмир кричал еще ей вслед: «Марджа, льду! Если принесешь, отпущу на волю и выдам, за кого пожелаешь!»

Выбежав из ворот ханского замка, Маша кинулась, как беженая кошка, на какого-то прохожего таджика, с визгом и криком вцепилась в него и барахталась изо всех сил, между тем как он толкал ее и старался от нее освободиться и уйти. На крик сбегались люди с ханского двора и старостиха явилась с уполовником. Маша кричала только: «Для хана, для эмира, эмир приказал!» — и сиделась вырвать что-то из рук таджика. Старостиха тотчас же отпустила ему по голове уполовником полновесную нахлобучку и принялась кричать повелительно: «отдай, отдай, для эмира!» Прочие помогли ей, схватили строптивого таджика и хотели его тащить к хану на расправу, за послушание; вольно ему дураку было проходить так оплошно мимо

ханского двора, как называют там эту кучу огороженных землянок, притон или логовище бессмысленного и кровожадного зверя. А Марья, сделав свое, давно уже в это время стояла перед ханом, с деревянной чашкой, в которой лежал осколок льду. Эмир жадно лизал его высокостепенным языком своим и в удовольствии и неге повторял по временам обет свой отпустить Машу на волю и пристроить ее, если он только выздоровеет.

Подивитесь же Машинуму счастью: выбежав без ума на улицу, она встретилась носом к носу с таджиком, и этот первый, встречный ей человек, нес в чашке осколок льду!.. Чудес, конечно, нет в наше время, а дивные вещи бывают: и случай, который я рассказываю, не выдуман, а был на деле.

Эмир выздоровел скоро: через неделю он уже сидел на своем ковре, еще желтее и бледнее обыкновенного, со впалыми щеками, со ввалившимися, бессмысленными глазами, с отупевшим умом, но он уже сидел и почитал Машу своей избавительницей. В пятницу поехал он верхом в мечеть. У Маши сердце больно забилося; она ни с кем не смела говорить о том, что обещал ей хан; но прислуга, стоявшая за войлочными пологами дверей, слышала слова его, и в целом глиняном замке было всякому известно, что эмир обещал русской пленнице волю. Явились женихи; ее сватали зажиточные бухарцы, с условием, чтобы она приняла мусульманство.

Маша, в ответ на это, бранилась, затыкала себе уши и проклинала их в глаза; они смеялись и отходили в сторону; а старостиха, по данной ей повадке, грозилась на них страшным оружием своим; сватал Машу и русский пушкарь, но и его она не слушала, и тогда старостиха подымала уполовник свой на нее; видно, пушкарь сумел задобрить стряпуху и склонить на свою сторону.

Прошла еще неделя, настал мусульманский пост, и эмир позвал к себе Машу. «Я тебе обещал волю, если ты меня выходишь: ты свободна, выбирай мужа. Вот тебе десять тилла на хозяйство».

Маша рухнулась ему в ноги и взвыла. В четыре года она выучилась свободно говорить по-татарски, а эмир понимал язык,

как свой. «Пресветлый хан, говорила она, не губи меня, когда хочешь сделать добро; вольный идет на все четыре стороны: отпусти же меня домой...»

Хан насупил брови. «Этому не бывать, — сказал он: — этого не позволяет вера наша. Отпускаю тебя на волю, но живи здесь».

«Эмир, — завопила Маша, — у вас своя вера, у нас своя; перед богом всякая вера хороша, коли она добро творит; я молилась за тебя по-своему, ты умирал, бог меня услышал, ты теперь здоров; не бывать бы этому, если б я молилась по-вашему: тогда бы бог меня не услышал; тогда бы ты погиб... воля его есть на то, чтобы всякий держал веру своих отцов! Солнце Востока! что тебе в одной, бедной пленнице? Не найдешь ты разве работниц? Эмир, я не встану, я буду лежать, покуда не прикажешь ясаулам своим убить меня на месте за то, что я за тебя молилась, но я не встану; отпусти меня домой!»

Хан подумал, пожал плечами, развел руками — ясаулы подскочили было, чтоб вытащить Машу за дверь, но он взглянул на них, и они остолбенели. Хан приказал ей удалиться, а к ночи созвал совет свой козыев и улемов и предложил им на разрешение вопрос: может ли он домой отпустить пленницу эту, дав, во время болезни своей, в том самом себе перед богом святой обет, потому что он был в горячке, сильно страдал и не помнил, что делал. Он просил книжников не упустить из виду, что пленница эта спасла его от смерти, что он внутри сердца своего дал такой обет и, наконец, что речь идет не о человеке, а о девке. Улемы хотели было заняться предварительно решением вопроса: точно ли эмир обязан был ей своим выздоровлением? Но, как хан подтвердил самым положительным образом, заверив ханским словом своим, что без нее бы он умер непременно, то совет и не мог более в том сомневаться, а потому не только решил, что коли аллаху угодно было после такого обета продлить жизнь эмира и даже употребить для сего недостойным орудием своим эту кул, рабыню, то и обет исполнить должно и отпустить Марью можно; но сверх того приискал к тому случаю, как водится, для успокоения высокостепенной совести, приличный

стих из корана, в котором, впрочем, речь шла вовсе об ином. Хан повторил стих этот с благоговением несколько раз, в тупом раздумье своем, и успокоился.

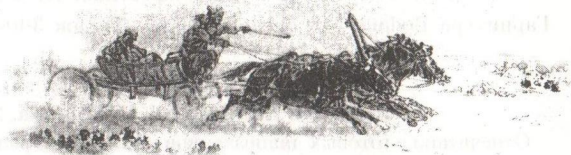
С последним осенним караваном веселая и резвая Маша стала собираться в путь; эмир сам призывал к себе караван-баша и передал пленницу на его ответ. Старостиха была оборотом этим очень недовольна, она бранилась и грозилась, но на прощанье вспомнила полузабытую родину свою, стала вздыхать и задумываться и вдруг сделалась, вопреки обычая своего, мягкой и плаксивою. Пушкарь сильно тосковал, напоследок даже плакал, как ребенок, и отдал Маше на дорогу образец своей работы, наказывая ей строго, чтобы она не забыла его дома освятить.

Одна Маша была весела и шаловлива и не помнила себя от радости; все трудности пути переносила она шутя. Недель через шесть прибыли в Орскую; тут нашла она родного брата на линейной службе. Его отпустили домой и на третий день прибыл он с сестрой в Красногорье. Трудно было узнать, с первого взгляда, в этой рослой, статной и бойкой девке четырнадцатилетнюю Машу, которая три года пасла красногорских жителей телят. Вся станица сбежалась; восклицания, рыдания и смех прерывались только по временам звонким чмоканьем приветственных поцелуев; пропавшая без вести Маша благополучно возвратилась под родительскую кровлю! Она хвалилась впоследствии, пересказывая любопытные свои похождения, что в плену быть ничуть не страшно, но идти туда вторично не соглашалась. Между красногорскими казаками вскоре нашелся жених, к которому она была не так строга, как к бедному пушкарю бухарского хана; а хозяйки расторопнее и работящее Маши, конечно, по всем станицам от Неженки до Орска, трудно было бы отыскать; мало того, хотя Каменная, как всем вам известно, славится на пространстве этом красотою казачек своих, но знатоки этого дела уверяют, что такой статной и видной женщины, какая вышла из Маши, не было даже и в Каменной.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	6
Оренбургские мотивы в творчестве В. И. Даля.....	9
Европа и Азия.....	17
Чудачество.....	24
О котях и о козле.....	28
Об очках.....	31
Из «Солдатских досугов».....	33
О Георгии храбром и о волке.....	39
Сказка о прекрасной царевне Милонеге-Белоручке по прозванию Васильковый глазок, и о трёхстах тридцати трёх затяжных волокитах и поклонниках её.....	50
О Строевой дочери и о коровушке Бурёнушке.....	71
О воре и бурой корове.....	79
О баранах.....	87
Серенькая.....	92
Охота на волков.....	112

Обмиранье.....	128
Полуночник (<i>Уральское предание</i>).....	147
Уральский казак.....	158
Рассказ Верховлонцова о Пугачёве.....	175
Осколок льду.....	183
Башкирская русалка.....	192
Бикей и Мауляна.....	213
Майна.....	290
Гофманская капля.....	338
Примечания.....	403

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 1; 953000— книги, брошюры

В. И. Даль
Оренбургский край
в художественных произведениях
писателя

Редакторы — Л. П. Петрова, Е. В. Кадабцова
Компьютерный набор — В. Ю. Прокофьева, Н. Е. Чубенко
Верстка, макет и оформление — Ф. М. Абленин
Корректоры — Т. М. Бокова, И. В. Полкунова

В оформлении использованы
рисунки художников Н. Каразина, К. Клотта,
Г. Линка и политипажи И. Фёдорова

Лицензия №040862 от 16. 12. 97

Сдано в набор 15.07.2001 г. Подписано в печать 11.10.2001.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Bodoni. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ 253.

Оренбургское книжное издательство,
460000, г. Оренбург, ул. Бурзянцева, 25
Отпечатано с готовых диапозитивов на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

